

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ

УДК 94 (470) «18»
DOI: 10.17223/19988613/52/18

В.П. Бойко

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ОБЛИК РУССКОГО КУПЕЧЕСТВА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ПИСАТЕЛЯ П.Д. БОБОРЫКИНА

Анализируется эволюция социально-психологического облика русского купечества, сделанная отечественными и зарубежными историками и социологами и отраженная в творчестве П.Д. Боборыкина, и сопоставляется с некоторыми реальными характеристиками купечества в документах и научной литературе. Отмечается, что облик купечества представляет собой совокупность бытовых, психологических и социальных черт и отражает процесс эволюции российского общества в сторону буржуазного типа развития.

Ключевые слова: Россия; история; купечество; предпринимательство; П.Д. Боборыкин.

Одним из достойных объектов исследования социально-психологического облика различных социальных групп является, на наш взгляд, купечество. Его значение определяется не только видной ролью, которое играло купечество в хозяйственной и общественной жизни общества, но и соединением консервативных и прогрессивных черт своего облика, их эволюцию и трансформацию под влиянием внешних и внутренних обстоятельств. Купечество являлось составной частью национальной и региональных элит, внесло значительный вклад в формирование общественного сознания и чувства культурной идентичности русского народа. Структура исследования социальной психологии русского купечества включает в себя систему материальных и духовных потребностей и интересов, а также совокупность социальных и ценностных ориентаций.

Выдающиеся теоретики экономической мысли К. Маркс, М. Вебер, В. Зомбарт видели всю сущность капитализма в сознательном стремлении предпринимателей к прибыли. Только у Маркса это было врожденное чувство, естественная потребность, которые толкали предпринимателей на подвиги, открытия и преступления; у Вебера это было следствием проявления чувства новых религий, так называемой протестантской этики или «капиталистическим духом»; Зомбарт наметил пути перехода к капитализму в традиционном (феодалном) обществе, когда между хозяином (купцом) и его приказчиками складываются отношения, требующие личной преданности своему патрону и беспрекословного послушания во всех его делах и прихотях [1]. В русской жизни со времен Екатерины II усиливаются позиции обывателя, который стремится к строительству цивилизации в ее материальных проявлениях. Это были слои общества, заинтересованные в накоплении капиталов, увеличении собственности, как личной, так и общественной. Доминантой такой культуры было и остается накопление, которое касается определенной

части населения с ясно выраженными предпринимательскими наклонностями, где стяжание является не грехом, а добродетелью [2. С. 208].

Иную позицию в этом вопросе занимает американский политолог Р. Пайпс, который с позиций евразийской теории доказывает, что российское самодержавие не признавало за своими подданными права на собственность и предпринимательскую инициативу, и в результате Россия упустила шанс создать буржуазию в период мануфактур и свободной конкуренции. В купечестве, по мнению Р. Пайпса, мы находим мало капиталистической этики с ее упором на честность, предприимчивость и бережливость. Русская коммерция, по его мнению, «тяготела к натуральному товарообмену и обогащению через сомнительные с точки зрения нравственности методы» [3. С. 271]. Известный российский исследователь купечества М.В. Брянецев имеет на этот счет другое мнение. По его словам, комплекс основных купеческих ценностей формировался вокруг доминирующего желания как сохранить и приумножить свою собственность в виде недвижимости, капиталов и других средств хозяйственного господства. Отсюда жесткость и деспотизм глав семей, как мужчин, так и женщин, в отношении домочадцев и подчиненных, неприязнительность в быту, нежелание повышать свой культурный уровень и другие консервативные черты. Русское купечество стояло на перепутье, так как выступало связующим звеном между прошлым и будущим. В культурном плане оно совмещало в себе нормы и ценности традиционной русской культуры, и в то же время тянулось к дворянской (западной) культуре [4. С. 7].

На наш взгляд, роль купечества с середины XVIII в. в социально-экономической жизни страны возрастала, и складывался тип купца-предпринимателя, носителя раннебуржуазных признаков. Формировалось и соответствующее отношение к этому купцу у его сограждан: люди, которые занимались торговлей и другими

видами предпринимательства, не вызывали симпатий в народной среде, так как их деятельность не соответствовала психологическим и нравственным установкам широких слоев населения. «Русский человек легко дает, легко и берет. Нигде собственность не находится в таком шатком положении и не подлежит таким частым колебаниям, как в России. Простой русский человек не имеет большого пристрастия к собственности, он равнодушно теряет то, что нажил, в надежде завтра нажиться опять», — писал один немецкий путешественник в 1870 г. [5. С. 55]. Такое же наблюдение позднее сделал выдающийся русский философ Н.А. Бердяев: «Русский народ никогда не был буржуазным, он никогда не имел буржуазных предрассудков и не поклонялся буржуазным добродетелям и ценностям» [6. С. 119].

Вследствие этого, до конца XIX в. большинство купеческих фирм и отдельных капиталов возвышалось и падало в течение двух-трех поколений из-за частых банкротств, неблагоприятных условий предпринимательства и расточительства потомков разбогатевших купцов. Это отмечено многими исследователями, как на общероссийском [7. С. 122], так и на местном уровне [8].

Тем не менее в отдельных регионах, прежде всего в культурных центрах страны, возникло просвещенное купечество, которое много сделало для хозяйственного и культурного развития России. Деятельность братьев Третьяковых, Бахрушиных, И.Д. Сытина, К.Т. Солдатенкова, С.И. Мамонтова, представителей семей Боткиных, Щукиных, Морозовых рассмотрены в известной книге А.Н. Боханова [9]. Основательный анализ благотворительности московских купцов сделала в своей монографии и ряде статей Г.Н. Ульянова [10]. Высокий уровень исследовательской культуры продемонстрировали авторы многих диссертаций по истории московского купечества, где были раскрыты малоизученные стороны его социально-психологического облика. К ним относятся, прежде всего, работы О.Е. Ниловой [11] и О.В. Фоминой [12]. Базировались они как на новых, впервые введенных в научный оборот источниках, так и на исследованиях научных предшественников. Среди них выделяется монография А.Н. Аксенова, посвященная историко-генеалогическому изучению московского купечества. В книге выясняются происхождение, судьбы отдельных купцов, семейные связи купеческих фамилий, их торгово-промышленная деятельность, причины устойчивости купеческих родов и их падения [13]. Промежуточные итоги развития русского предпринимательства сделаны в коллективной двухтомной монографии «История предпринимательства в России», где большое внимание уделено социокультурному облику русского купечества, его благотворительности и духовным ценностям, функционированию купеческой семьи и преемственности купеческих капиталов.

В целом выводы, которые сделаны коллективом достаточно известных и авторитетных авторов моногра-

фии, дают убедительную картину развития торгово-промышленного дела в стране и в целом положительную роль купечества в этом процессе. Отрицательная характеристика предпринимателей как представителей эксплуататорских классов, подлежащих уничтожению в процессе классовой борьбы, была преодолена [14. С. 442–444]. Такие выводы подтверждены в капитальной монографии В.Б. Перхавко «История русского купечества», в которой летопись жизни и дел торгового сословия неотделима от истории страны в целом и от истории отдельных ее регионов в частности [15]. Здесь прослежена история купечества от момента зарождения, когда у многих воинов на одном бедре висел меч, а на другом весы для взвешивания драгоценных металлов, до полной отмены купеческого звания в декрете ВЦИК от 11 ноября 1917 г. Отныне в документах нельзя было именоваться купцами, а последовавшая за этим национализация банков и внешней торговли, конфискация фабрик и заводов, торговых заведений и жилых помещений стали экономическим крахом для торгово-предпринимательского класса России. Только в эмиграции еще теплилось предпринимательство, с теплотой вспоминали русское купечество, появилась литература, во многом объяснявшая и оправдывающая коммерческую деятельность русских людей. Наиболее известной из них стала книга воспоминаний П.А. Бурышкина «Москва купеческая», впервые изданная в Нью-Йорке в 1954 г. [16]. Автор приводит родословные 25 крупнейших купеческих фамилий Москвы, увлекательно и со знанием дела рассказывает о жизни русского купечества от Средневековья до 1917 г., показывает благотворительную деятельность купечества. Книга Бурышкина написана не только как воспоминания, но и является своеобразным и обстоятельным исследованием истории купечества с привлечением разнообразных источников, в том числе и художественной литературы. Именно в литературе конца 90-х гг. XIX в. явно прослеживается процесс размытия купеческого сословия, которое в новых исторических условиях приобретает иной облик. На передний план выходят не прежние купцы-коммерсанты и кредиторы-ростовщики, но купцы-промышленники и банкиры, выходцы из крестьянской и дворянской среды. Это купцы типа Лопахина из чеховского «Вишневого сада» или Палтусова из романа «Китай-город» П.Д. Боборыкина. Вот о творчестве этого писателя, который много писал о русском, преимущественно московском купечестве и поговорим в данной статье подробнее.

Петр Дмитриевич Боборыкин (1836–1921) родился в обеспеченной помещичьей семье и получил разностороннее и блестящее образование: сначала на юридическом факультете Казанского университета, затем на химическом и медицинском факультетах Дерптского университета. По мнению современников, Боборыкин был одним из культурных людей своей эпохи, свободно владел европейскими языками, располагал обширными познаниями в философии, естествознании, поли-

тических науках, изобразительном и театральном искусстве. Все это позволило ему стать видным деятелем второй половины XIX в., «хранителем традиций дворянской просвещенности либерально-западнической ориентации» [17. С. 108]. Главная идея его произведений, посвященных социально-экономической тематике, — это вера в социальную эволюцию, которая приведет к сращиванию традиционной дворянской культуры с энергией русского купечества и просвещенных администраторов. Эти мысли прослеживаются в самых известных его романах «Дельцы» (1873), «Китай-город» (1882) и «Василий Тёркин» (1892), где выведены явно идеализированные главные герои эпохи капитализма — просвещенные, политически мыслящие купцы, деятельность которых, к сожалению автора, не дает положительного результата.

Творчество П.Д. Боборыкина не было обойдено вниманием современной ему критики, и оценки были самые противоречивые. Например, известный своим злословием критик В.П. Буренин, о котором в писательской среде складывались легенды и рождались эпиграммы, остро ненавидел все, что исходило от либерального журнала «Отечественные записки», в том числе и от его активного сотрудника Боборыкина. Буренин его творчество называл «пошлой болтовней из “распивочной” прессы», их обиженное литературное самолюбие называл «самолюбием мелких кружковых гениев», их ум — сознанием «либеральных лилипутов на пьедестале, по крайней мере, в два вершка вышиною» [18. С. 268]. Сам П.Д. Боборыкин, по мнению Буренина, в деле беллетристики и критики «обнаруживает обыкновенно художественной и мыслительной амуниции на грош, а амбиции, по крайней мере, на полтинник, коли не на целый рубль» [Там же. С. 271]. Тем не менее Боборыкин, по мнению Буренина, «с молодых ног был приверженцем литературы, он ради ее интересов пожертвовал даже свои достоинства, довольно значительным: тысяч, говорят, пятьдесят потратил на издание журнала “Библиотека для чтения”, наследственные вотчины расточил» [Там же. С. 273]. Романы и повести Боборыкина, по словам критика, полезны и памяты читателям «по жизненному содержанию, по своевременному уловлению почтенным романистом образов и веяний российского прогресса. Несмотря на некоторую поверхностность отношения ко всему вообще и в том числе к делу воспроизведения современной действительности, г. Боборыкин, однако же, усвоил себе довольно основательно, внешнюю технику этого дела, он очень разносторонне образован, он всё знает...» [Там же. С. 276].

Благожелательную и развернутую характеристику творчества П.Д. Боборыкина дал в свое время известный критик и историк литературы Д. Овсянико-Куликовский, назвавший его «признанным и большим художником наблюдателем и бытописателем» [19. С. 268]. По мнению критика, Боборыкин «строгий и последовательный реалист в искусстве: быть реалистом

в искусстве, значит отправляться не от идеи, а от факта и осмотрительно переходить от видимости вещей к скрытому в них смыслу, от конкретных явлений к обобщающей их идее, от внешнего человека к внутреннему» [19. С. 269]. Такая характеристика творчества П.Д. Боборыкина подтверждает значимость его произведений как ценных исторических источников по тому или иному периоду российской истории, в том числе и по социально-экономическому развитию страны в пореформенное время.

Положительная характеристика отдельных произведений Боборыкина сохранилась и в советском литературоведении, благодаря которым, например, его наиболее удачный роман «Китай-город» переиздавался несколько раз огромными даже для того времени тиражами. Капитальная многотомная «История русской литературы» отнесла Боборыкина к типичным представителям либерального лагеря русской общественной мысли, которые группировались вокруг журнала «Вестник Европы». Журнал был основан в 1866 г. профессором истории М. Стасюлевичем и на его страницах выступали Н. Костомаров, С. Соловьев и другие видные историки. И.С. Тургенев в журнале Стасюлевича выступил с романом «Новь» и другими произведениями последних лет жизни, И.А. Гончаров в 1869 г. поместил свой роман «Обрыв», а Г. Данилевский — романы «Девятый вал» и «Мирович». В этом ряду не затерялись и романы Боборыкина «Полжизни» и «Китай-город», раскрывавшие малоизвестные стороны российской жизни [20. С. 40]. Известный советский критик С. Чупринин отмечает сильные и слабые стороны творчества П.Д. Боборыкина. В его произведениях «по освещенной авансцене проходят десятки, если не сотни действующих лиц, причем появление всякого нового персонажа непременно сопровождается его портретной характеристикой, а в большинстве случаев и обстоятельно изложенной предысторией... Пространные описания, длиннейшие вводные эпизоды, обширные характеристики и авторские сентенции не оставляют практически места для действия. Человек, превратившись из главного объекта художественного исследования в одно из средств социологического проникновения в среду, как бы теряется в этой среде, погребается под ворохом подробностей, деталей “вещного мира”, частных ситуаций» [21. С. 14–15]. Однако для современного читателя, который смотрит в прошлое через полуторавесковую призму времени, эти детали интересны и полезны для реалистичного восприятия прошлого.

Достоинства и недостатки писателя Боборыкина особенно ярко проявились в его романах 70–90-х гг. XIX в., исследовавших бурный процесс развития капитализма в России. В них Боборыкин выступает не только как самозабвенный певец русского капитализма, но проявляет сочувствие к его жертвам. Во многом это навеяно романами французского писателя Э. Золя, творчество которого Боборыкин широко пропагандировал в русской печати на всем протяжении своей дол-

гой 60-летней литературной карьеры. Под влиянием Э. Золя, братьев Гонкуров, других французских писателей натуралистической школы, у Боборыкина сложилась «вера в социальную эволюцию, движимую реформами и “малыми делами”, в перспективу сращения традиций дворянской культуры с энергией нового русского купечества, деловых кругов, просвещенных администраторов и разночинных интеллигентов» [17. С. 109].

Характерен в этом отношении роман «Дельцы», повествующий об охватившей русское общество акционерной горячке, которая захватила не только дельцов из купечества, но интеллигентных людей. Главные действующие лица романа – отставной офицер и недоучившийся студент, с головой окунувшись в мир бизнеса, и там встретили воротил своего дела. Один из них, штатский генерал, действительный статский советник Борис Павлович Саломатов, который после Крымской войны проявил себя в полной мере: «Как законник, излагающий бойко всякое дело и устно, и письменно, выхлопывал он все, что нужно в административных сферах; как человек со связями, он зарекомендовал предприятие везде, где нужно, и в свете, и у денежных людей» [22. С. 71]. В результате он составил бы себе огромное состояние, если бы львиная доля его доходов не уходила на чрезмерную роскошь – кутила преобладал в нем над всем остальным. Как сказала о нем его любовница, «ведь кажется барин, и в чинах, и с тузами водится, а безобразник, что твой купеческий самодур» [Там же. С. 85]. Именно она, купеческая дочь Авдотья Степановна, дает генералу и дельцу мудрые советы в его коммерческой деятельности, в его рискованной игре на бирже и в учреждении новых акционерных предприятий. Примечательна и внешность Саломатова, в которой фотографически отразился портрет одного из современников Боборыкина: «Биржевик был похож на купчину, бреющего бороду. Большая курчава голова, вся красная и лоснящаяся, прикреплена была посредством бычачьей шеи к огромному туловищу. Брюхо свое он должен был уже носить как чемодан, придерживая обеими руками. Но эта ноша как-то не мешала ему двигаться и даже выказывать юркость. Карие глазки выглядывали из-под его ожирелых покровов лица и живо перебегали от предмета к предмету» [Там же. С. 57]. Стоит ли говорить, что меркантильные интересы дельцов касались всего того, с чем они соприкасались, в том числе и в отношениях с женщинами. Автор романа вслед за своей героиней восклицает: «Разве они могут быть влюблены! Жадность одна к женщине, вот и вся их любовь» [Там же. С. 116]. Попадая в этот мир дельцов, интеллигентные люди, главные герои повествования, оказываются не приспособленными к данной среде. Они ведут бесконечные разговоры, связанные с их интеллигентскими переживаниями, и единственное дело, на которое они решаются, это афера с шантажом Саломатова. Уязвленная отставкой куртизанка привлекает на свою сторону любовника, отставного офицера и

известного в своих кругах публициста из недоучившихся студентов, и начинает извлекать из своих знаний о темных делишках денежных воротил и крупных адвокатов собственную выгоду. На коммерцию это не походило и дело не выгорело, так как новоявленные дельцы походили на овец, составивших заговор против волков. Мужчины оказались слабыми, неспособными поддержать спекуляции влюбленной в одного из них куртизанки, и вывод романиста Боборыкина однозначен – не барское это дело заниматься коммерцией.

Наиболее значительным творением Боборыкина является самый известный его роман «Китай-город». Главный герой романа Андрей Палтусов, отставной офицер, участник Балканского похода русской армии в Русско-турецкой войне, пытается войти в деловой мир и создать собственное дело. Эта мысль возникает у него при взгляде на небрежное отношение москвичей к деньгам, когда огромные суммы доверяются неграмотным и немытым мальчишкам для сдачи их в контору. «В такой стране не нажиться? ... Да надо быть кретином!» – восклицает он, когда за десять минут перед ним проплыли сотни тысяч рублей. Все данные, для того чтобы стать успешным дельцом, у него были: образование, жизненный опыт, незаурядный ум, энергия. Вот как романист описывает его внешность: «Голова его небольшая, круглая, выпуклая в боках, с крутым лбом, сидела на туловище чрезвычайно свободно, поворачивалась часто и легко... Нос утолщался книзу. Посередине его был желобок, делавший его шире и некрасивее. Светло-карие глаза смотрели возбужденно. В них видна и юркость, и сознание здоровья и силы, и склонность все осмотреть, взвесить и ценить, в то время как легкие складки вдоль носа и приподнятые уголки рта улыбались снисходительно, а при случае и вкрадчиво» [23. С. 11].

Способствовала обогащению и деловая горячка, которая возникла в 80-х гг. XIX в. Русская текстильная промышленность после Русско-турецкой войны испытывала подъем: старые предприятия развивались и модернизировались, возникало немало и новых фирм. Все это требовало координации, финансирования и управления, и в Москве, центре легкой и пищевой промышленности, возник деловой центр, своеобразный московский Сити. Занял он центр столицы, квартал, примыкавший к Красной площади и Кремлю. На трех его улицах, Никольской, Ильинке и Варварке, в Теплых рядах и на Чижевском подворье были сосредоточены почти все фабричные конторы и амбары оптовых предприятий. Боборыкин мастерски и дотошно описывает оживление и пестроту жизни в этом районе, где господствует купечество и делаются состояния. Более того, купцы проникли и в университет, находившийся вблизи Китай-города на Моховой улице, где магистерскую диссертацию защищает купеческий сын, отец которого «торговал рыбой или “пунцовым” товаром каким-нибудь, а сынок пишет монографию о средневековых цехах или об учении Гуго Гроция» [Там же. С. 57]. Как показано в ро-

мане Боборыкина, не только деловая жизнь руководится купцами, они не только хозяйничают в городском управлении, но пробираются и в науку, и в искусство. Все это не нравится автору романа, который поставил задачу через своего главного героя, дворянина Палтусова, проникнуть и покорить этот мир. Как отмечал мемуарист П.А. Бурышкин, «это ему нужно не только для заработка, но и для противопоставления себя, дворянина, торжествующему по всем линиям купцу. Для выполнения своей миссии, он входит в общение со многими представителями и представительницами купеческой Москвы. Он имеет большой успех, особенно у женщин, но миссия явно не удастся, так как он попадает в тюрьму «за растрату вверенного ему имущества. Впрочем, все кончается благополучно – он женится на богатой купчихе» [16. С. 59].

Попутно Боборыкин рисует образы других купцов, блестяще рассказывает о важных с его точки зрения событиях московской жизни – бенефис знаменитой артистки в Малом театре, концерт в Благородном собрании, купеческий бал. Перед читателем проходит череда лиц купеческого происхождения, где встречаются как персонажи ранних пьес Островского, так чудачки и оригиналы. Исключение составляет главная героиня романа, сама управлявшая двумя фабриками – Анна Серафимовна Станицына. Она оттеснила от дел своего безвольного мужа и даже дала по его просьбе развод, что в купеческой среде было большой редкостью. Свои дела на фабриках она вела отлично, устроила при них школу, не угождала «титованным дамам-патронессам, ездила только в свое общество, да и то мало...» [23. С. 288]. Во многом реалистичность этого образа связана с тем, что он срисован с реально жившей тогда известной московской общественной деятельнице, владелице нескольких текстильных мануфактур В.А. Морозовой, урожденной Хлудовой.

В поле зрения романиста попал и другой фабрикант, выведенный под именем Алексея Тимофеевича Взломцева. Типичный представитель делового московского мира, который происходил из староверов, но перешел в единоверчество, правда, без всякого упорства и фанатизма, т.е. «позволял курить другим и сам курил, читал “светские” книжки, любил знакомство с господами, стоящими за старину, за “Россию-матушку” и единоплеменных братьев, о которых имел довольно смутное понятие... Жил он один, в большом, богато отделанном доме с парадными и “простыми” комнатами, без новых затей, так, как это делалось лет тридцать-сорок назад, когда отец его трепетал перед полицмейстером и даже приставу подносил сам бокал шампанского на подносе» [Там же. С. 100–101]. Внешность у него была купчески благородной: «Высокий, чрезвычайно красивый седой мужчина за шестьдесят лет, одетый “по-немецки” – в длинноватый темно-кофейный сюртук и белый галстук. Он носил окладистую бороду, белес волос на голове» [Там же. С. 101]. Другой, еще более патриархальный тип купца принадлежал Капитону Фе-

офилактовичу Краснопёрому, который «служил живым примером русской бойкости и изворотливости, кичился своим умом, умением говорить, – хотя говорил на обедах витиевато и шепеляво, – тем, что он видел и все знает, Европу изучил и России открыл новые пути богатства, за что давно бы следовало ему поставить монумент». Соответствовала его «кулацкой» натуре и внешность: «Лицо его так и выскочило из питейной лавочки, курносое, рябоватое, скулы выдавались, но рот хранил самодовольную, горделивую складку» [23. С. 105, 108]. Однако не только дворянство, но и купечество испытывало какое-то «оскудение», когда коммерческая бездарность мужа Анны Станицыной подкреплялась соответствующей внешностью: «Народ называет такое сложение “глыстой”. Узость плеч, приподнятых и острых, вытянутая шея с кадыком, непомерная длина рук и ног делали его неприятным на взгляд по одной уже фигуре. Голова подходила к остальному складу: лоб, сдавленный с боков и сверху сжатый, заостренная макушка и выдающийся затылок, достаточно говорили о его мозговом устройстве... В лице сохранилась моложавость – и женоподобная и мальчишеская, что-то изношенное и недозрелое, развратное и бесполое» [Там же. С. 52–53].

Одним словом, судя по изображенным П.Д. Боборыкиным персонажам, писатель никак не подходил под распространенную в прессе и критике характеристику «певца московского купечества». Это заметил в свое время видный представитель купечества П.А. Бурышкин: «Трудно понять, как выведенные Боборыкиным персонажи могли руководить большими делами. Да и сам автор говорит о них тоном барского презрения» [16. С. 60]. Кроме «Китай-города» описание купеческой Москвы у Боборыкина не раз повторяется, и в них купечество выступает уже более солидной и реально существующей силой, манера его изображения становится более беспристрастной.

Примером купца нового типа стал Василий Тёркин в одноименном романе, написанном в 1892 г. Здесь выведен просвещенный, интересующийся литературой и наукой предприниматель, который сам, выйдя из народа, стремится развить в нем лучшие его черты и искренно заботится о сохранении родных угодий. Это касается прежде всего реки Волги, которая сильно обмелела в конце XIX в. после хищнической вырубki лесов по ее берегам. Всему виной были пароходы, которые работали тогда на дровах, заготовленных в ближайших к реке лесах. Прогресс требовал жертв, и леса Поволжья одними из первых попали в «черный список». Тем не менее молодой бизнесмен собирался бороться за полноводность реки, так как это было необходимым условием его успешной коммерции. Автор романа с симпатией рисует его образ: «Смотрел он скорее богатым купцом, чем барином, а то так хозяином парохода, инженером, фабрикантом, вообще деловым человеком, хорошо одевался и держал голову немало назад, что делало его выше ростом... В крупных

чертах привлекательного крестьянского лица сидело сложное выражение. Глаза, с широким разрезом, совсем темные, уходили в толстоватые веки, брови легли правильной и густой дугой, нос утолщался книзу, а из-под усов глядел красный сочный рот с чувственной линией нижней губы» [24. С. 9].

Таким образом, хотя Боборыкин не оставил глубокого следа в русской литературе, в своих лучших произведениях он выступает как тонкий реалист и психолог. В каждом выведенном лице он стремится установить реальные черты, из которых складывается их облик. Тут и происхождение лица или группы лиц, которые несут признаки наследственности и традиций, черты более широкой классовой психологии, обстоятельства внешней жизни в виде полученного воспитания и образования. Как заметил цитированный ранее в нашей статье историк литературы Д. Овсяннико-Куликовский, «психология пола и возраста занимает видное место в романах и повестях Боборыкина, и многие фигуры, им созданные, бесспорно являются ценным документом для историка» [19. С. 369]. Что касается московского купечества, то Боборыкин глубоко и точно показал типы купцов нового поколения, пришедшего на смену типам купцов Островского, хотя «черты наследственности у них, навыки ставшие инстинктами, сквозят из под налета неглубокого просвещения, новых культурных начал, веяний “духа времени” – и эта амальгама истолкована исчерпывающим образом [Там же. С. 370].

В целом, характеризуя эволюцию социально-психологического облика русского, преимущественно московского купечества, важно отметить, что его

трактовка шла не поступательно и не менялась в хронологической последовательности, а целиком зависела от времени интерпретации и задач, стоявших перед исследователем и писателем. В качестве источника по реальному облику купечества нами взят облик, нарисованный писателем П.Д. Боборыкиным, который был скорее не художником, а натуралистом, описывающим наблюдаемые им образы не как живых людей, а как носителей тех или иных психологических черт и идей. Автор часто спешил запечатлеть то или иное явление в еще не выношенных образах, перегружал повествование огромным количеством второстепенных бытовых деталей, что снижало впечатление от нарисованной им вполне реалистичной картины. Такой метод менее заметен в обширных воспоминаниях Боборыкина, которые дают богатый материал для изучения эпохи, но, к сожалению, они посвящены его личным встречам с писателями, учеными, общественными деятелями и деятелями искусства [25. С. 22–23]. Сопоставляя образ русского купца в литературе и исторической науке, отметим, что ученые на протяжении полутора веков составили разнообразные по своему содержанию характеристики, от резко негативного до комплиментарного, тогда как в художественной литературе, в том числе в творчестве П.Д. Боборыкина, был задан тон изображения купечества как совокупности бытовых, психологических и социальных противоречий, и в этом их сила и долголетие. В конечном итоге современная историческая литература, посвященная купеческой теме, закономерно пришла к подобным наблюдениям и выводам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бойко В.П. Теоретические аспекты истории предпринимательства // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2002. Вып. 4 (32). Сер: Гуманитарные науки. С. 61–65.
2. Хренов Н.А., Соколов К.Б. Художественная жизнь императорской России (субкультуры, картины мира, ментальность). СПб., 2001.
3. Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 1993.
4. Брянцев М.В. Культура Русского купечества. Воспитание и образование. Брянск, 1999.
5. Гакстгаузен А. Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений в России. М., 1870.
6. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.
7. Мионов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства : в 2 т. СПб., 1999. Т. 1.
8. Разгон В.Н. Горизонтальная мобильность как фактор формирования купечества на окраинных территориях Российской империи (на материалах Сибири XVIII – первой половины XIX вв.) // Современное историческое сибиреведение XVII начала XX вв. : сб. науч. тр., посв. 65-летию проф. В.А. Скубневского. СПб., 2010. Вып. 3. С. 13–35.
9. Боханов А.Н. Коллекционеры и меценаты России. М. : Наука, 1989.
10. Ульянова Г.Н. Благотворительность московских предпринимателей. 1860–1914. М., 1999.
11. Нилова О.Е. Московское купечество конца XVIII – первой половины XIX в. (социальные аспекты культуры) : дис. ... канд. ист. наук. М., 1992.
12. Фомина О.В. Имущественно-демографическая характеристика московской купеческой семьи последней трети XVIII века : дис. ... канд. ист. наук. М., 2003.
13. Аксенов А.Н. Генеалогия московского купечества XVIII в. (Из истории формирования русской буржуазии). М., 1988.
14. История предпринимательства в России. Кн. 1: От Средневековья до середины XIX века. М. : РОССПЭН, 2000.
15. Перхавко В.Б. История русского купечества. М. : Вече, 2008.
16. Бурыйшкин П.А. Москва купеческая. М. : Высш. шк., 1991.
17. Русские писатели. Биобиблиографический словарь : в 2 т. М. : Просвещение, 1990. Т. 1.
18. Буренин В.П. Г. Михайловский и г. Боборыкин // Критические опыты и заметки. СПб. : Изд. А.С. Суворина, 1884. С. 267–281.
19. Овсяннико-Куликовский Д. К пятидесятилетию литературной деятельности П.Д. Боборыкина // Вестник Европы. 1910. № 11. С. 368–372.
20. История русской литературы : в 4 т. Т. 3: Расцвет реализма. Л. : Наука, 1982.
21. Чупринин С. Труды и дни П.Д. Боборыкина // Боборыкин П.Д. Сочинения : в 3 т. М. : Худ. лит., 1993. Т. 1. С. 5–26.
22. Боборыкин П.Д. Дельцы. Роман : в 6 кн. // Сочинения : в 12 т. СПб. : Изд-во тов-ва М.О. Вольф, 1885. Т. VII.
23. Боборыкин П.Д. Китай-город // Сочинения : в 3 т. М. : Худ. лит., 1993. Т. 2. С. 7–420.
24. Боборыкин П.Д. Василий Тёркин // Сочинения : в 3 т. М. : Худ. лит., 1993. Т. 3. С. 7–502.
25. Боборыкин П.Д. Воспоминания : в 2 т. Т. 1: За полвека. М. : Худ. лит., 1965. 567 с.

Boyko Vladimir P. Tomsk State University of Architecture and Buildings (Tomsk, Russia). E-mail: vpbojko@yandex.ru

SOCIO-PSYCHOLOGICAL ASPECT OF THE RUSSIAN MERCHANTS IN THE HISTORICAL LITERATURE AND IN THE WORKS OF WRITER P. D. BOBORYKIN ROUT

Keywords: Russia; history; merchants; Business; P.D. Boborykin.

The article is devoted to the history of the Russian merchant class, reflected in the work of Peter Boborykin and to the opinions of contemporary critics to Boborykin's novels. The main periods in the writer's work are identified and marked in the article: firstly, he followed the canons of the natural school in Russian literature, then became a westernizer and was a supporter of the liberal-democratic trend in Russian literature. This evolution was reflected in literary criticism, which is also examined and analyzed in our work. Boborykin's works of art, his memoirs, and critical articles about him in periodicals were used as the main sources. In addition, the author of the article studied many works of historians, sociologists and literary critics who showed and defined the features of Boborykin's creativity. His works allowed tracing the evolution of the socio-psychological image of the Russian merchants during almost four decades of the XIX century. The closest concept to convictions of the author of this article was one, proposed by the well-known historian of literature and critic D. Ovsyaniko-Kulikovsky, who believed that the merchant class was an inseparable part of the common people and brought many positive qualities that are undervalued in contemporary society. It concerns both the class as a whole and its individual representatives. His work was based on a deep knowledge and understanding of the way of life and activity of the merchant class. And only recently Boborykin's works have become known through many historical studies. Boborykin as a novelist showed the new features of new relationships in the Russian reality at the second half of the nineteenth century, which gave positive results. The article notes that Russian entrepreneurship and commerce in the post-reform period were covered by Boborykin in different ways. At first they were marked as rudimentary and primitive, but after 30 years certain changes had already been noted. There were showed some of the results of such development: the most of merchants had a good education, got interested in politics and culture, often traveled abroad, became the leading force in the economy of the country and even advocated for the ecological safety of its individual territories, primarily the Volga region, which is being remained relevant in our days.

REFERENCES

1. Boyko, V.P. (2002) Teoreticheskie aspekty istorii predprinimatel'stva [Theoretical aspects of the history of entrepreneurship]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 4(32). pp. 61–65.
2. Khrenov, N.A. & Sokolov, K.B. (2001) *Khudozhestvennaya zhizn' imperatorskoy Rossii (subkul'tury, kartiny mira, mental'nost')* [The artistic life of imperial Russia (subcultures, world pictures, mentality)]. St. Petersburg: Aleteya.
3. Pipes, R. (1993) *Rossiya pri starom rezhime* [Russia under the old regime]. Translated from English by V. Kozlovsky. Moscow: Nezavisimaya gazeta.
4. Bryantsev, M.V. (1999) *Kul'tura Russkogo kupechestva. Vospitanie i obrazovanie* [Culture of the Russian merchants. Education and education]. Bryansk: Kursiv.
5. Gaksthausen, A. (1870) *Issledovaniya vnutrennikh otnosheniy narodnoy zhizni i v osobennosti sel'skikh uchrezhdeniy v Rossii* [Studies of internal relations of people's life and in particular of rural institutions in Russia]. Moscow: [s.n.].
6. Berdyaev, N.A. (1990) *Istoki i smysl russkogo kommunizma* [The origins and meaning of Russian communism]. Moscow: Nauka.
7. Mironov, B.N. (1999) *Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.). Genezis lichnosti, demokraticheskoy sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva* [Social history of Russia during the period of the empire (the 18th – early 20th centuries). Genesis of personality, democratic family, civil society and the rule of law]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.
8. Razgon, V.N. (2010) *Gorizontal'naya mobil'nost' kak faktor formirovaniya kupechestva na okrainnykh territoriyakh Rossiyskoy imperii (na materialakh Sibiri XVIII – pervoy poloviny XIX vv.)* [Horizontal mobility as a factor in the formation of merchants in the marginal territories of the Russian Empire (a case study of Siberia in the 18th – the first half of the 19th centuries)]. In: Goncharov, Yu. M. (ed.) *Sovremennoe istoricheskoe sibirskoye issledovanie XVII nachala XX vv.* [Modern Historical Siberian studies of the 17th and early 20th Centuries]. Issue 3. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 13–35.
9. Bokhanov, A.N. (1989) *Kollektsionery i metsenaty Rossii* [Russian Collectors and Patrons]. Moscow: Nauka.
10. Ulyanova, G.N. (1999) *Blagotvoritel'nost' moskovskikh predprinimateley. 1860–1914* [Charity of Moscow businessmen. 1860–1914]. Moscow: Mosgorarkhiv.
11. Nilova, O.E. (1992) *Moskovskoe kupechestvo kontsa XVIII – pervoy poloviny XIX v. (sotsial'nye aspekty kul'tury)* [Moscow merchant of the late 18th – first half of the 19th centuries (social aspects of culture)]. History Cand. Diss. Moscow.
12. Fomina, O.V. (2003) *Imushchestvenno-demograficheskaya kharakteristika moskovskoy kupecheskoy sem'i posledney treti XVIII veka* [Demographic characteristics of the Moscow merchant family of the last third of the 18th century]. History Cand. Diss. Moscow.
13. Aksenov, A.N. (1988) *Genealogiya moskovskogo kupechestva XVIII v. (Iz istorii formirovaniya russkoy burzhazii)* [Genealogy of the Moscow merchants of the 18th century. (On the Russian bourgeoisie formation)]. Moscow: Nauka.
14. Smetanin, S.I. et al. (2000) *Istoriya predprinimatel'stva v Rossii* [History of Russian Entrepreneurship]. Moscow: ROSSPEN.
15. Perkhavko, V.B. (2008) *Istoriya russkogo kupechestva* [History of the Russian Merchants]. Moscow: Veche.
16. Buryshkin, P.A. (1991) *Moskva kupecheskaya* [Moscow of Merchants]. Moscow: Vysshaya shkola.
17. Nikolaev, P.A. (ed.) *Russkie pisateli. Biobibliograficheskiy slovar'. V 2 t.* [Russian Writers. A Bibliographic Dictionary. In 2 vols]. Moscow: Prosveshchenie.
18. Burenin, V.P. (1884) *Kriticheskie opyty i zametki* [Critical Experiments and Notes]. St. Petersburg: A.S. Suvorin. pp. 267–281.
19. Ovsyaniko-Kulikovskiy, D. (1910) K pyatidesyatiletuyu literaturnoy deyatel'nosti P.D. Boborykina [To the fiftieth anniversary of P.D. Boborykin's literary activity]. *Vestnik Evropy*. 11. pp. 368–372.
20. Priyma, F.Ya. & Prutskov, N.I. (eds) (1982) *Istoriya russkoy literatury* [The History of Russian Literature]. Vol. 3. Leningrad: Nauka.
21. Chuprinin, S. (1993) *Trudy i dni P.D. Boborykina* [Works and days of P.D. Boborykin]. In: Boborykin, P.D. (1993) *Sochineniya* [Works]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 5–26.
22. Boborykin, P.D. (1885) *Sochineniya* [Works]. Vol. 7. St. Petersburg: M.O. Wolf.
23. Boborykin, P.D. (1993a) *Sochineniya* [Works]. In 3 vols. Vol. 2. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 7–420.
24. Boborykin, P.D. (1993a) *Sochineniya* [Works]. In 3 vols. Vol. 3. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 7–502.
25. Boborykin, P.D. (1965) *Vospominaniya. V 2 t.* [Memories. In 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.